

УДК 343.144

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00014

Россинский Сергей Борисович
профессор кафедры уголовно-
процессуального права Московского
государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Sergey B. Rossinskiy
Dr.Sci. (Law),
professor of the Criminal Procedure
Dept., at Moscow State Kutafin Law
University
(MSLA)
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ОЧНАЯ СТАВКА КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Введение: в настоящей статье анализируется сущность и юридический потенциал очной ставки в современных реалиях развития системы уголовного судопроизводства Российской Федерации с учетом соответствия международным стандартам обеспечения прав и свобод личности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют международно-правовые акты в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ, материалы практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, описания; сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Результаты исследования: автор приходит к заключению о давно назревшей необходимости изменения отношения к очной ставке как к сугубо проверочному следственному действию, нацеленному исключительно на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Выводы и заключения: очную ставку впредь предлагается рассматривать в более широком ракурсе, в том числе и как процессуальную гарантию, направленную на предварительное (досудебное) обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, показания свидетеля, право на справедливое судебное разбирательство, следственные действия.

THE CONFRONTATION AS A PRELIMINARY PROCEDURAL GUARANTEE OF ENSURING THE RIGHT TO A FAIR TRIAL

Introduction: the author examines the nature and legal potential of the confrontation at the present stage of development of the Russian criminal procedure taking into account compliance with international standards for ensuring human rights and freedoms.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by international legal acts in the field of ensuring the rights and freedoms of the individual, Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation as well as decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, materials of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, synthesis, description; comparative legal and historical legal methods.

Results: the author believes that today there is a need to change the understanding of the confrontation as an investigative action, which is carried out only for the purpose of checking and eliminating contradictions in the testimony of previously interrogated persons.

Summary and conclusions: the author proposes to consider confrontation more broadly, for example, as a legal guarantee on the prior provision of the right to a fair trial.

Keywords: interrogation, confrontation, witness testimony, right to a fair trial, investigative actions.

Очная ставка, как показывает самое происхождение этого древнерусского речения, состоит в том, что два человека становятся перед очу друг друга, глаз на глаз, «на одну доску», как говорили в старину.

В.И. Громов

Общий познавательный характер стадии предварительного расследования предполагает необходимость наделения органов дознания и предварительного следствия целым арсеналом процессуальных полномочий, направленных на установление различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти полномочия, в первую очередь, выражены в возможности проведения следственных действий, одним из которых является очная ставка (ст. 192 УПК РФ).

Как известно, очная ставка – следственное действие, которое состоит в одновременном допросе в присутствии друг друга определённых участников уголовного судопроизводства, уже прежде дававших показания по уголовному

делу. Иными словами, она как бы представляет совместный повторный допрос ранее допрошенных лиц. Причем, начиная со времени судебных реформ императора Александра II, законодатель преимущественно относился и продолжает относиться к очной ставке как к сугубо проверочному мероприятию, направленному на устранение противоречий в уже имеющихся показаниях.

Так, ст. 452 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. предписывала проведение очных ставок между свидетелями в тех случаях, когда от разъяснения противоречий в их показаниях зависело дальнейшее направление следствия. Кстати, необходимо обратить внимание, что дореволюционный законодатель еще не предусматривал возможности производства очных ставок в отношении других субъектов уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Отчасти это можно объяснить наличием в существовавшем тогда механизме уголовного судопроизводства иных процессуальных гарантий, позволяющих обеспечить решение указанных задач, а именно: а) вытекающей из смысла ст. ст. 446, 448, 449 Устава возможности обвиняемого присутствовать при допросе свидетеля, задавая ему вопросы или опровергая его показания; б) исходящей из правовой позиции Сената возможности обвиняемого присутствовать при допросе другого обвиняемого и т.д. А отчасти это, видимо, было связано с доктринальной и нормативной непроработанностью по сравнению с современными условиями некоторых уголовно-процессуальных категорий, например, потерпевшего.

Согласно ст. 162 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичных положений уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик (Украинской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и т.д.) очная ставка могла проводиться между любыми ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имелись существенные противоречия. Этот же подход к сущности очной ставки был заложен и в ст. 192 действующего УПК РФ, и в уголовно-процессуальные кодексы иных государств, возникших на постсоветском пространстве (Украины, Беларуси, Казахстана, Грузии и т.д.)

Но законодатель далеко не всегда относился к очной ставке как к сугубо проверочному следственному действию, проводимому исключительно с целью возможного устранения противоречий в ранее данных показаниях ее участников. Например, архаичный «Уголовно-процессуальный кодекс» императора Николая I¹, наоборот, предполагал предварительный, превентивный характер очной ставки, увязывая ее цели с установлением самой возможности и рациональности производства будущего допроса. «Свидетелю, когда он находится налицо, надлежит всегда прежде допроса дать очную ставку» – говорилось в ст. 229 данного нормативного акта. В свою очередь ст. 230 «Кодекса» устанавливала, что в ходе очной ставки: а) у свидетеля надлежало выяснить тот ли перед ним человек (обвиняемый), в отношении которого он собирался давать показания (т. е. что-то отдаленно напоминающее современное предъявление для опознания); б) у обви-

¹ Имеется в виду Свод законов Российской империи Николая I. – Т. 15. – Ч. 2 «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках».

няемого надлежало выяснить не имеет ли он в отношении свидетеля какого-то подозрения.

Весьма примечательно, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. тоже не указывал на очную ставку как на следственное действие, проводимое исключительно в случаях возникновения противоречий в прежних показаниях ее участников. Законодатель лишь устанавливал возможность проведения очной ставки между обвиняемыми, между обвиняемым и свидетелем (ст. 137) или между свидетелями (ст. 163 УПК РСФСР) в случае надобности.

И тем не менее отечественные ученые (и процессуалисты, и криминалисты) в своей массе ставили перед очной ставкой именно проверочные цели, уязвляли ее проведение исключительно с потребностью в устранении противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, в частности с необходимостью изобличения во лжи подозреваемого или обвиняемого, а иногда свидетеля или потерпевшего. Подобные позиции высказывались даже тогда, когда процессуальный закон (УПК РСФСР 1923 г.) прямо не предусматривал подобной юридической гипотезы.

Например, В.И. Громов в 1926 г. писал, что, хотя согласно закону очная ставка может быть проведена в любом случае по мере надобности, злоупотреблять возможностью ее производства не следует. Ученый полагал, что данное следственное действие уместно лишь тогда, когда «фактические обстоятельства подтверждаются одним свидетелем и опровергаются другим (равно как и обвиняемыми или обвиняемым и свидетелем), или же когда разноречие в показаниях отдельных допрошенных лиц относительно одного и того же момента расследования является настолько резким и разительным, что мешает следователю, несмотря на общую согласованность показаний, уяснить точно то или другое обстоятельство, которое может иметь существенное значение для дела» [4, с. 125].

М.С. Строгович в 1946 г. отмечал, что основанием для очной ставки является существенное противоречие между ранее данными показаниями двух лиц относительно одного и того же факта [12, с. 212]. Схожие суждения можно встретить и во многих других доктринальных источниках того времени.

Чего уж говорить про более поздние публикации по уголовно-процессуальному праву и криминалистике, в которых идея о направленности очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц возымела легальную основу – прямое указание в УПК РСФСР 1960 г. или кодексах других союзных республик. Так, А.Б. Соловьев писал, что поскольку необходимым условием для производства очной ставки является наличие в показаниях ее участников существенных противоречий, она проводится для их устранения [10, с. 7]. В.С. Комарков указывал, что наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц является правовым основанием очной ставки, а выявление причин этих противоречий и установление истины – основной целью очной ставки [6, с. 2]. В.Н. Бахарев отмечал, что очная ставка проводится только при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, когда эти противоречия не могут быть устранены при помощи

других следственных действий, в том числе и повторного допроса [1, с. 10–11]. Схожие точки зрения высказывались Н.И. Порубовым [8, с. 240], Л.М. Карнеевой [5, с. 100], В.Е. Коноваловой и А.М. Сербуловым [7, с. 97] и еще целым рядом ученых.

Статья основана на анализе международно-правовых актов в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства, а также постановлений Пленума Верховного Суда РФ, материалов практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, описания; сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Сейчас уже достаточно сложно доподлинно установить, что послужило причиной зарождения в национальной доктрине идеи, увязывающей очную ставку исключительно с необходимостью устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Но со всей очевидностью можно утверждать, что подобная позиция не была основана лишь на непонятно кем сформулированных положениях закона, как это, к великому сожалению, часто бывает с иными «великими достижениями» процессуальной или криминалистической науки. Скорее наоборот, начиная с реформы уголовного судопроизводства рубежа 50–60-х гг., законодатель конструировал правила проведения очной ставки, основываясь на результатах теоретических изысканий советских ученых. И наглядным подтверждением данного тезиса является динамика развития отечественного процессуального права и национальной доктрины: если закон в этой части, как было показано выше, не предполагал стабильности, то ученые в своей массе, несмотря на нормотворческие колебания, всегда придерживались строго определённой позиции – о направленности очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Поэтому здесь может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Дело в том, что советские процессуальные и криминалистические теории во многом исходили как бы из одностороннего характера проведения следственных действий, из их исключительной направленности на получение следователем новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. В большинстве публикаций, в особенности по проблемам тактики допроса и очной ставки, всегда прослеживались и продолжают прослеживаться контуры позиции, предполагающей понимание подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля лишь как субъектов, располагающих криминалистически значимой информацией, а следователя – лишь как субъекта, которому надлежит максимально полно «выудить» эту информацию из своего процессуального собеседника. При таком подходе нацеленность очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц представляется вполне понятной и разумной.

Мы не имеем никаких возражений против познавательной направленности следственных действий. Напротив, в своих публикациях мы неоднократно писали, что целью любого следственного действия является установление каких-либо новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, получение какой-либо доказательственной информации [9, с. 33]. В этом-то и состоит их основное отличие от иных процессуальных средств, находящихся в арсенале органов предварительного расследования: наложения ареста на имущество, эксгумации, задержания подозреваемого и т.д.

Однако помимо своей познавательной направленности каждое следственное действие имеет и строго установленную уголовно-процессуальную форму, обусловленную необходимыми правовыми гарантиями доброкачественности, что обеспечивает возможность признания полученных в ходе их производства результатов полноценными доказательствами без надобности последующей легализации, своеобразной процессуализации в судебном заседании. Как раз именно этим следственные действия выгодно выделяются из всей массы других познавательных приемов: оперативно-розыскных, административных и тому подобных мероприятий, на проведение которых уполномочены сотрудники правоохранительных органов.

Несмотря на появление в Российской Федерации ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. особой, самобытной, так сказать национальной модели уголовного судопроизводства, частично интегрирующей полномочия следователя с полномочиями «полиции»¹, относящей процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств, следственные действия фактически были, есть и продолжают оставаться действиями судебно-следственного характера. Иными словами, следственное действие как российский аналог «классического» французского *acte d'instruction* – типичная процедура смешанного (континентального) типа уголовного процесса, позволяющая формировать полноценные доказательства в досудебном производстве и депонировать их для последующего судебного разбирательства. Собственно говоря, этим смешанный тип уголовного процесса и отличается от англо-саксонской состязательной модели, предполагающей не процессуальное полицейское дознание (*investigation*) с последующей легализацией полученных результатов в судебном заседании.

И если исходить из подобного, на наш взгляд, единственно правильного понимания следственных действий, то процессуальный режим каждого из них должен быть обусловлен правовыми гарантиями доброкачественности, сопоставимыми с гарантиями, предоставляемыми в суде. Тем более, что на сегодняшний

¹ Под «полицией» в данном случае понимается не конкретный орган исполнительной власти, определённый федеральным законом от 7 февр. 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции», а вся система государственных органов, осуществляющих административно-правовые и оперативно-розыскные полномочия по выявлению и раскрытию преступлений (полиция, Росгвардия, ФСБ России и т.д.). Поэтому термин «полиция» как имеющий условное значение преднамеренно берется в кавычки.

день эти вопросы приобретают особую актуальность ввиду поисков собственного пути дальнейшего развития российского уголовного судопроизводства, с одной стороны, учитывающего национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы, а с другой – отвечающего современным мировым стандартам уголовной юрисдикции, в том числе положениям международно-правовых актов, закрепляющих основные права и свободы личности.

Представляется, что указанный подход придает очной ставке принципиально новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал в контексте реализации вытекающего из международно-правовых актов права на справедливое судебное разбирательство. Следует напомнить, что в соответствии с п. d) ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. e) ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах это право, помимо всего прочего, выражается в возможности каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей. Кстати, на необходимость обеспечения обвиняемому этого права неоднократно указывал и Европейский суд по правам человека¹.

Механизм реализации подобных требований в судебном заседании не вызывает никаких вопросов, поскольку прямо предусмотрен ст. ст. 277, 278, 281.1 УПК РФ, регламентирующими процессуальный порядок допроса явившихся в суд потерпевших, свидетелей или так называемых соглашеницев, т. е. лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Но как быть в том случае, если потерпевший, свидетель или «соглашеница» в судебное заседание не явился?

В принципе уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность суда в случае неявки кого-либо из указанных лиц оглашать их показания, данные ранее, в том числе и в ходе предварительного расследования. Более того, оглашение прежних показаний допускается также и в случае наличия существенных противоречий с показаниями, данными этим лицом в судебном заседании, и в случае последующего отказа лица от дачи показаний. В зависимости от причины, обуславливающей необходимость оглашения прежних показаний, законодатель устанавливает различные правовые условия реализации этого механизма: иногда с согласия обеих сторон, иногда – по ходатайству одной стороны или по собственной инициативе суда и т.д. (ст. ст. 281, 281.1 УПК РФ). Однако в целом такая возможность весьма активно используется в судебной практике. А ее высокий доказательственный потенциал как раз и предопределяется смешанным (континентальным) типом российского уголовного процесса, позволяющим формировать полноценные доказательства в досудебном производстве и depo-

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 13 июля 2006 г. по делу «Попов против Российской Федерации» (жалоба № 26853/04) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Европейского суда по правам человека от 27 марта 2008 г. по делу «Перич против Хорватии» (жалоба № 34499/06) // Там же и т.д.

нирывать их для последующего судебного разбирательства (о чем уже отмечалось выше).

Но существование подобных механизмов не снимает поставленного выше вопроса: как в этом случае реализовать предусмотренное международными стандартами право каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него лиц? Кстати, ч. 2.1. ст. 281 УПК, которая была специально введена в 2016 г. для имплементации в систему уголовно-процессуального регулирования вышеуказанных норм международного права, разрешает суду оглашать ранее данные показания лишь при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. На неукоснительное соблюдение указанного требования уже дважды обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ¹.

Представляется, что в решении этого вопроса очная ставка может возыметь первостепенную роль и оказать неоценимую помощь. Именно здесь и раскрывается принципиально новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал данного следственного действия. Ведь очная ставка – это чуть ли не единственная досудебная процедура, в ходе которой осуществляется непосредственный вербальный контакт, процессуальное общение между подозреваемым или обвиняемым, с одной стороны, и его «оппонентом» – с другой. Конечно вербальный контакт между указанными лицами возможен и в рамках иных следственных действий, в первую очередь, предъявления для опознания. Но, во-первых, предъявление для опознания предполагает по сравнению с очной ставкой гораздо большие трудности в подготовке и организации, и, во-вторых, направлено на решение весьма специфических задач, не всегда сопоставимых с реализацией права лица на допрос показывающего против него свидетеля.

Для справедливости необходимо обратить внимание, что сформулированный нами тезис не обладает абсолютной новизной; подобные идеи высказывались советскими учеными еще задолго до ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах. Например, М.С. Строгович, изменивший свою более раннюю позицию в отношении сущности этого следственного действия, в 1970 г. писал, что очная ставка обвиняемого и свидетеля на предварительном следствии бывает особенно необходима и важна в тех случаях, когда нет уверенности, что свидетель может быть вызван в суд [11, с. 113]. Аналогичную точку зрения выражали в 1978 г. А.Г. Гаврилов и А.А. Закатов [3, с. 6].

Рассматривая указанные вопросы уже применительно к современным реалиям уголовного судопроизводства, Л.В. Брусницын считает очную ставку одной из двух форм реализации права обвиняемого допрашивать показывающих

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55; О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 51.

против него лиц [2, с. 38]. К слову, в качестве второй формы автор выделяет повторный допрос свидетеля по ходатайству обвиняемого или его защитника, содержащему поставленные перед ним (свидетелем) вопросы [2, с. 39]. Однако подобная технология представляется гораздо более «неповоротливой», в частности не позволяющей оперативно отреагировать новыми вопросами на полученные ответы и т.д.

Близкой точки зрения придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, разъяснивший, что суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)¹.

Рассматривая очную ставку как предварительную (досудебную) гарантию обеспечения права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, нельзя оставить без внимания и позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в связи с рассмотрением жалобы И.Н. Хасенова, оспаривавшего конституционность ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. В своем решении Конституционный Суд РФ отметил, что «реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами»², т. е. по мнению Конституционного Суда РФ, любое следственное действие, направленное на предварительное обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, в том числе и очная ставка, может быть произведено не иначе как по инициативе (ходатайству) обвиняемого или его защитника, заявленном по окончании ознакомления с материалами уголовного дела.

Относясь с большим уважением к позициям, содержащимся в актах Конституционного Суда РФ, мы, тем не менее, можем согласиться с указанной точкой зрения лишь частично. Дело в том, что, высказывая подобный тезис, Конституционный Суд РФ как бы предопределяет абсолютную пассивность участия следователя в предварительном обеспечении права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. А такой подход явно не соответствует прямо вытекающему из ч. 1 ст. 11 УПК РФ требованию об обеспечении следователем возможности осуществления своих прав подозреваемому, обвиняемому, потер-

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55.

² Определение Конституционного Суда РФ от 10 окт. 2017 г. № 2252-О.

певшему и другим субъектам уголовно-процессуальной деятельности. Ведь несмотря на участие защитников, несмотря на возможную правовую грамотность некоторых подозреваемых или обвиняемых, именно он – следователь, являясь представителем государства, выступает публично-правовым гарантом прав и свобод личности. Следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда подозреваемый или обвиняемый заявит ходатайство, подаст заявление и т.д. Тем более, он не должен безучастно наблюдать за ошибками этих лиц, предвкусывая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан принимать все возможные меры для правильного и разумного использования участниками своих процессуальных возможностей, в частности по своей инициативе назначать и проводить следственные действия, необходимые для предварительного обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Подводя итог всему вышесказанному, следует заключить, что уже давно назрела необходимость изменения отношения к сущности очной ставки как к глубоко проверочному действию, направленному исключительно на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

В современных реалиях развития уголовного судопроизводства очную ставку следует рассматривать в более широком ракурсе – одновременный допрос следователем (дознавателем) определённых участников уголовного судопроизводства в присутствии друг друга, направленный как на установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, так и на предварительное (досудебное) обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Подобный подход к сущности очной ставки, безусловно, потребует изменения некоторых правовых условий и правил ее проведения. Например, представляется необходимым исключить из содержания ст. 192 УПК РФ указание на возможность производства этого следственного действия лишь в том случае, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, т. е. фактически вернуться к формулировкам Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Кроме того, законодательно целесообразно предусмотреть специальный правовой режим проведения очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение одного участника другим (например, свидетеля обвиняемым) подобно тому, как этот вопрос урегулирован ч. 5–6 ст. 278 УПК РФ. И, наконец, предлагаемый нами подход объективно потребует введения в сферу уголовно-процессуального регулирования дополнительных прав участников очной ставки на предварительное ознакомление с ранее данными показаниями своих будущих «оппонентов».

В завершение отметим, что, несмотря на раскрытый в настоящей статье новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал очной ставки, она все-таки не сможет полностью обеспечить предварительную реализацию права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. В этой связи правоприменителю неразумно полностью отказываться и от иных,

установленных законом юридических возможностей, в частности от повторного допроса свидетеля по ходатайству обвиняемого или его защитника, содержащему поставленные перед ним (свидетелем) вопросы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахарев Н.В. Очная ставка. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. – Казань: Казанский госуниверситет им. Ульянова-Ленина, 1981.
2. Брусницын Л.В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Рос. юстиция. – 2016. – № 1.
3. Гаврилов А.К., Закатов А.А. Очная ставка: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978.
4. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. – 2-е изд. – М.: НКЮ РСФСР, 1926.
5. Карнеева Л.М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976.
6. Комарков В.С. Психологические основы очной ставки. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1976.
7. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. – Киев: МВД УССР, 1978.
8. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. – 2-е изд. – Минск: Высшая школа, 1973.
9. Россинский С.Б. Следственные действия. – М.: Норма, 2018.
10. Соловьев А.Б. Очная ставка на предварительном следствии. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1970.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т. 2. – М.: Наука, 1970.
12. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. – М.: Минюст СССР, 1946.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bakharev N.V. The confrontation. Criminal procedural and criminalistic questions. – Kazan, 1981.
2. Brusnitsyn L.V. On the right of the accused to interrogate witnesses giving a statement against him // Russian justice. – 2016. – № 1.
3. Gavrilov A.K., Zakatov A.A. The confrontation. – Volgograd, 1978.
4. Gromov V.I. The inquiry and the preliminary investigation. Theory and technique of crime investigation: guide for the bodies of inquiry and people's investigators. – M., 1926.
5. Karneeva L.M. The tactical bases of the organization and production of interrogation at the stage of investigation. – Volgograd, 1976.
6. Komarkov V.S. The psychological basis of confrontation. – Kharkiv, 1976.

7. Konovalova V.E., Serbulov A.M. The interrogation tactics in the investigation of crimes. – Kiev, 1978.
8. Porubov N.I. The interrogation in Soviet criminal proceedings. – Minsk, 1973.
9. Rossinsky S.B. The investigative actions. – M., 2018.
10. Soloviev A. B. The confrontation at the preliminary investigation. – M., 1970.
11. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. – Book 2. – Moscow, 1970.
12. Strogovich M.S. The criminal procedure: textbook. – Moscow, 1946.